

Пайдейя – характерные особенности и эволюция античной системы образования

Эндрю Брайан Дегг

Ассистент, Южный Федеральный Университет

degg@sfedu.ru

Аннотация: *Статья посвящена вопросу образования и воспитания в античном мире. В центре внимания исследования - становление понятия и системы пайдейи - особого греческого феномена, порождённого уникальным складом древнегреческой культуры, в которой центральное место занимала антропологическая проблематика. Анализируются историко-культурные основы греческой цивилизации, поспособствовавшие формированию социально-антропологической рефлексии, выраженной в таких понятиях как агональность, калокагатия, арете. Совокупность этих понятий вместе с термином пайдейя образуют совокупный образ достойного гражданина полиса, воина, аксиологически развитой личности, формируемой системно, с малых лет до порога зрелости, как физической, так и духовной. Статья главной своей целью видит демонстрацию невероятной устойчивости и пластичности пайдейи, подтверждая это историко-культурной динамикой эпохи классики, эллинизма, римской эпохи, периода позднеантичной и раннесредневековой трансформации. Особое внимание уделяется двум конкурирующим типам греческой воспитательно-образовательной модели - спартанской и афинской. Поворотный, революционный этап в развитии пайдейи занимает становление христианства, передовые группы которого были теснейшим образом связаны с эллинистической культурой, что определило высокую адаптивность новой религии к античному идейно-технологическому базису, ставшему инструментом «Пайдейи Христа». Исследование опирается на важный научный задел, созданный немецким филологом Вернером Йегером, который определил древнегреческую литературу центральным и важнейшим элементом образования и воспитания греческого человека.*

Ключевые слова: *пайдейя, образование, воспитание, античная педагогика, калокагатия, арете, античность, древнегреческая философия, эллинизм, эфебия, античное христианство, гибель античности, христианская пайдейя, средневековье, В. Йегер.*

Paideia – characteristic features and evolution of the ancient education system

Andrew Bryan Degg

Assistant, Southern Federal University

degg@sfedu.ru

Abstract: *The article is devoted to the issue of education and upbringing in the ancient world. The research focuses on the formation of the concept and system of paideia, a special Greek phenomenon generated by the unique warehouse of ancient Greek culture, in which human occupied a central place. The article analyzes the historical and cultural foundations of Greek civilization, which contributed to the formation of socio-anthropological reflection, expressed in such concepts as agonality, kalokagathos, arete. The totality of these concepts, together with the term paideya, form a cumulative image of a worthy citizen of the polis, a warrior, an axiologically developed personality, formed systematically, from an early age to the threshold of physical and*

spiritual maturity. The main purpose of the article is to show the incredible stability and plasticity of Paideia, confirming this with the historical and cultural dynamics of the Classical era, Hellenism, the Roman era, the period of late Antique and early Medieval transformation. Special attention is paid to two competing types of the Greek educational model - Spartan and Athenian. A turning, revolutionary stage in the development of Paideia is occupied by the formation of Christianity, the advanced groups of which were closely connected with the Hellenistic culture, which determined the high adaptability of the new religion to the ancient ideological and technological basis, which became the instrument of the «Paideia of Christ». The research is based on an important scientific foundation created by the German philologist Werner Jaeger, who identified ancient Greek literature as the central and most important element of the education and upbringing of a Greek person.

Keywords: *paideia, education, upbringing, ancient pedagogy, kalokagathos, arete, antiquity, ancient Greek philosophy, Hellenism, ephebeia, ancient Christianity, the fall of antiquity, Christian paideia, the Middle Ages, W. Yeager.*

© Э.Б. Дегг (Ростов-на-Дону). degg@sfedu.ru. Южный федеральный университет.
Южный Полюс 8 (1/2) (2022) DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-51-63

История педагогических систем насчитывает не одно столетие, в каждой эпохе были как свои особенности, так и переходные периоды. Если обращаться к истории европейской педагогики, то мы видим очень богатый пласт знаний и практик, традиционно восходящих к Античности. Сложившаяся историография вопроса в основном рассматривает западноевропейский средневековый, ренессансный и нововременной периоды образовательной системы. В нашем анализе мы хотели бы подробно остановиться на Античности, как исходном пункте, базисе европейского и, шире, западного образования. Если говорить о греческой образовательной системе, то совершенно невозможно не затронуть вопрос античной греческой культуры. Понять истоки греческой пайдейды возможно только прояснив социокультурную, философскую среду Древней Греции.

Для начала нужно дать культурологическую периодизацию развития греческой античности.

1) Крито-микенская цивилизация – II тысячелетие до н.э. Этот отдалённый, полуполюгендарный период, стоявший лишь у истоков, основ будущей Греции. Это время можно назвать «мостиком» между восточным типом культуры, и собственно, «западным», который начался с Греции.

2) Гомеровский период или «тёмные века» - XI - IX века до н.э. Это такой же полуполюгендарный период, тесно связанный с именем поэта Гомера и его главными произведениями «Одиссея» и «Илиада», ставшие настоящими архетипами для греков, которые под воздействием этих произведений всё больше проявляют индивидуалистический тип личности, героя, формируют понятие «добродетелей», а их мышление начинает отходить от мифа к логосу.

3) Архаический период – VIII – VI века до н.э. Этот период ознаменуется упорядочиванием и формализацией мышления и жизни в силу формирования полисной системы. Категории закона, «номоса» сподвигают к размышлениям о социальном и природном порядке, что подготавливает формирование особого типа мышления.

4) Классический период – V - IV века до н.э. Этот период известен своей плодотворностью – «греческое чудо», как он назван в историографии. Достижения в искусстве, философии, науке дали «вечные» культурные образцы для дальнейшего развития. Аккумулированные отличия древнегреческой культуры поспособствовали появлению у греков особого самосознания, заложившего основы для дихотомии «Запад – Восток». Эллина опытным путём через войну с Персией поняли эффективность номоса перед деспотией, свободной личности над подчинённой деспоту массе. Эти обстоятельства стимулируют общественную

и философскую жизнь к размышлениям о проблемах закона и особенно человеческой личности.

5) Эллинистический период – IV – I века до н.э. Этот период характеризуется уходом философской мысли в интимный, внутренний мир человека на фоне упадка полисной системы, не способной противостоять консолидированной, единоличной силе воинственной Македонии. Однако политическое господство македонцев, обернулось их культурным подчинением полисами. Главное в этом финальном периоде древнегреческой культуры – её синтез через македонские завоевания с Востоком, появление эллинистической культуры, приведшей к упадку идей и практик полиса и их падением перед римским натиском.

Дав общую картину развития древнегреческой культуры, также важно остановиться на некоторых основных её понятиях. Как мы отметили выше, в период гомеровской героики появляется индивидуалистический тип личности, но мало того, она становится пронизанной духом соперничества. Этот дух соответствует первому понятию, на которое мы хотим обратить внимание – «агон», «агонистика» то есть борьба, состязание, опасность. Новация во введении в научный оборот термина «агональность» принадлежит швейцарскому культурологу Якобу Буркхардту, проанализировавшему это свойство в своём труде «История греческой культуры». Эта важнейшая черта греческой культуры пронизывала все сферы жизни, но если восходить к архетипу, то берёт она начало в войне, в воинском бесстрашии. Отечественный культуролог Феохарий Кессиди отмечает: «отличительные черты характера древних греков, прежде всего афинян – это «агональный (состязательный, полемический) дух во имя стяжения славы, высокая оценка свободы...» [1, с. 117].

Следующее важное для нас понятие это «калокагатия» - понятие, обозначающее достоинства, добродетели гражданина, жителя полиса, который может быть принят обществом и пользоваться уважением. Природа этого явления так же берёт начало в «тёмных веках», когда мерилom были именно добродетели воина – мужество, решимость, храбрость. Однако развитие полисной жизни смягчило нравы и предъявило новые требования – быть вдумчивым, справедливым, здравомыслящим. Сам термин объединяет греческие слова «прекрасный» и «добрый», то есть в гармонии этих характеристик человек может считаться совершенным. Не случайно отечественный антиковед Алексей Лосев дал этому явлению такую метафору: «Это составное этически-эстетическое понятие — своего рода кентавр» [2, с. 100]. При этом нужно отметить сложную природу сочетания составных термина – доброта и красота не могут быть отдельными и, соответственно, объединяться в целое, они изначально являются одним целым, тождественными друг другу.

И ещё одно родственное понятие по отношению к предыдущему - «арете» - «добродетель», «достоинство», «совершенство». Оно также как и калокагатия тесно связано с развитием социальных полисных отношений, формированием «благородного» сословия и «качеств» свойственных только ему. В. Йегер так характеризовал это явление исходя из гомеровских трактовок: «Арете — собственный предикат знатности... Господство и арете неразрывно связаны друг с другом. Корень слова — тот же, что у *ἀριστος*, превосходной степени «прекрасного» и «превосходного», которая во множественном числе устойчиво употребляется для обозначения знати» [3, с. 34]. Конечно, не стоит воспринимать это понятие столь узко и буквально, арете в дальнейшем отходило от своего «классового» происхождения и переходило в философско-этическую категорию о представлении идеально развитой личности.

Было важным остановиться на представленных выше понятиях. Они возникали стихийно, в результате естественного развития греческой культуры и выражали её уникальность. Их же проработка, осмысление, концептуализация находились в русле другого не менее уникального феномена – древнегреческой философии. Социально-этической и

гуманистическую проблематику актуализировали в своих рассуждениях и произведениях такие философы как Сократ, Гесиод, Платон, Аристотель и многие другие. Благодаря их конкретизации вопросов о «прекрасном человеке», уровень абстрактных рассуждений удалось перевести в плоскость проблемы способов достижения калокагатии, технологического, идейно-методологического решения.

И таким образом, возникает главное в нашем контексте понятие «пайдейя» - то есть дословно «воспитание детей», а концептуально – система образования и/ или воспитания. Эта система и должна была подготовить античного грека к общественной жизни и сформировать в нём аксиологически развитую личность.

Затрагивая феномен «пайдейя» невозможно не отметить огромную заслугу в его глубоком изучении немецкого филолога Вернера Йегера. Он систематизировал данное поле исследования, представив полную картину классической греческой образовательной модели от гомеровских эпосов, до христианского неоплатонизма. В силу своей филологической специализации Йегер рассматривает вопрос через призму изучения литературного наследия греков: «...история греческого образования совпадает в основном с историей литературы» [3, с. 27]. Акцент учёный делает на «духе» греческой культуры, которая порождает уникального, по сравнению с Востоком человека, то есть человека не как просто отдельной индивидуальности, но образа. «Выше человека — стадного животного и человека — мнимо автономного Я стоит человек как Идея: так всегда смотрели на него греки-воспитатели, подобно грекам-поэтам, художникам и исследователям» [3, с. 23]. Но помимо человека, появляется и новое отношение к нему со стороны общества и педагогики: «Однако «человек как идея» означает «человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида». Отпечаток сообщества, накладываемый на отдельное лицо, который мы поняли как сущность воспитания, исходит у греков — все более осознанно — из такого образа человека и в непрестанной борьбе ведет к философскому обоснованию и углублению проблемы воспитания. С такой основательностью и целесообразностью это не достигалось нигде более» [3, с. 23].

Так, вырисовывается картина, в которой мы видим действительно уникальный пример социально-антропологической проблематики и поставленной ей во служение педагогической (пайдейической) системы. Как же выглядела эта система?

Классическим вариантом рассмотрения этого вопроса можно назвать разделение греческой образовательной традиции на две антогонизирующие друг с другом системы: спартанская и афинская. На наш взгляд, эти две школы можно уподобить, конечно, не полностью, не буквально, двум выделяемым началам греческой культуры: дионисийскому и аполлоническому. Давая пояснение такому сравнению, необходимо затронуть методы и принципы обеих школ.

Спартанская школа была нацелена на формирование воина, в ущерб другим возможным сферам реализации человека. Проявлялось это во всей педагогической практике Спарты. Абсолютный культ воина и войны здесь восходит к ранее упомянутой гомеровской героине с её жадой воинской славы, борьбы, авантюризма, схватке жизни со смертью. Такая стихийная необузданная энергия тождественна ницшеанской формуле о дионисийстве – иррациональной сущности культуры. В этом, пожалуй, можно усмотреть архетип спартанской традиции, которая, при это, не лишена рациональности.

Педагогическая практика выглядела следующим образом. Идеал, который необходимо достичь – это физически развитый, смелый воин, член военной общины, состоящей из таких же представителей.

Для этого обучение и воспитание разделялось на несколько возрастных этапов:

- 1) 1-7 лет - воспитание кормилицей.
- 2) 7-15 лет - воспитание пайдономом. Физическое воспитание носило пока лёгкий, «щадящий» вариант, который был, главным образом, направлен на адаптацию к суровым

практикам в будущем. Давались минимальные навыки письма.

3) 15-20 лет – посвящение в эйрена – члена общины. Воспитание проходило с испытаниями на болевую устойчивость, происходила интеграция в полноценные воинские тренировочные практики.

4) 20-30 лет – социализация в общину и совершенствование воинских навыков. Формировался окончательный облик спартанца как полноценной боевой единицы, суровой личности, не склонной к ораторским и софистическим занятиям.

В силу столь практикоориентированной военизированной системы, женское образование нельзя назвать ограничивающим возможности, в силу отсутствия таковых. Девушки воспитывались в духе семейной хозяйственности, но при этом так же занимались физическими упражнениями воинского типа. Идеал женщины – сильная мать, способная воспитать воина.

Подобная картина приводит к довольно сухому выводу: «Гипертрофированная военная подготовка, фактическое невежество молодого поколения - таким выглядел результат одного из первых в истории опытов государственного воспитания. На древе человеческой цивилизации спартанские культура и воспитание оказались малопродуктивной ветвью. Не случайно Спарта не дала ни одного сколько-нибудь крупного и яркого мыслителя или художника» [4, с. 20]. Однако не стоит слишком обесценивать наработки спартанской системы. Суровая и богатая традиция физической подготовки стала интересным опытом, который был позже переосмыслен. Нельзя забывать и про элементы мусического образования – обучение особому способу социального говорения – лаконской манере, призванной привести в соответствие с идеей сурового воина голос – чёткий, командный. Имели место также сисситические занятия и хоровое пение.

Афинская школа была несколько сложнее в своих целях и задачах. Собственно она и есть на самом деле, то, что мы теперь называем греческой пайдейей. Именно она развила стихийные установки греческой культуры, обуздала их, породив тот идейный, философско-терминологический пласт, который был нами представлен выше. Поэтому, продолжая образное сравнение, мы уподобим афинскую систему аполлоническому началу греческой культуры, преодолевшему иррациональные порывы греческих «тёмных веков» и породившему умственную сдержанность, рассудительность, стремление к эстетической рефлексии.

Педагогическая система была представлена более насыщенным набором практик. Идея, которую нужно воплотить в жизнь, исходя из принципов калокагатии – духовно-интеллектуально и физически развитую личность аристократического типа, активно участвующую в жизни социального микрокосма полисного государства.

Здесь также наблюдается чёткое разделение обучения и воспитания на возрастные периоды:

1) 1-7 лет – воспитание внутри семьи.

2) 7-16 и 12-16 лет – начальное образование. В 7-16 лет можно было пойти в так называемые мусические школы, задачей которых были освоение, преимущественно, литературно-музыкальных знаний, а также грамматики и счёта. В 12-16 лет можно было посвятить себя физическому элементу калокагатии в гимнастических школах, где делали различные упражнения, которые носили чисто спортивную идею, так и возможность подготовить будущего гражданина-воина, способного вести бой.

3) 16-18 лет - продолжение образования. Учреждением, контролирующим воспитание, являлись гимнасии, сочетавшие в себе функции как мусических, так и гимнастических школ, что представляло собой подобие общеобразовательного заведения. При этом акцент делался на физической подготовке. Однако образовательный процесс здесь уже тяготел к более сложным формам, где была развита общественно-дискуссионная площадка, пребывая на которой юный гражданин мог ознакомиться с азами политики и философии.

4) 18-20 лет - заключительная стадия обучения. Данный возраст ознаменовывался

вступлением в совершеннолетие, которое подтверждалось обучению в эфебии, где молодой человек осваивал воинское искусство. Таким образом завершался весь основной цикл воспитания и образования афинского грека, становившегося полноправным и всесторонне развитым, в соответствии со всеми добродетелями, гражданином, членом полисной демократии.

В отличие от милитаристского эгалитаризма Спарты, где женщина почти наравне с мужчиной вела свою социальную жизнь, в Афинах женщинам отказывали в этих самых добродетелях, соответственно, их воспитание носило укротительно-хозяйственный и частично мусических характер.

Необходимо отметить и заметную роль греческой философии в развитии социально-педагогических и интеллектуальных практик. Увлечение философией носило более вольный, не институализированный характер, но при этом, по сути, являясь уже индивидуальной, следующей стадией в образовании. Здесь необходимо отметить софистическое направление в философии, которое проявило себя в практической, идейно-просветительской деятельности, которая была вдобавок превращена в оплачиваемую профессию. Как отмечает отечественный историк и педагог Александр Джурицкий, софисты во многом способствовали формированию прообраза высшего академического образования: «Они помышляли о воспитании активных граждан полиса. Софисты расширили программу образования за счет изучения грамматики, диалектики, обучения искусству спора. К трем этим предметам с течением времени были добавлены еще четыре: арифметика, геометрия, астрономия и музыка, что в совокупности составило семичастную "эн - киклос - пайдейу" (энциклопедию), которая оказалась предтечей программы "семи свободных искусств", являвшейся символом образованности вплоть до Нового времени» [4, с. 21-22].

Помимо всех прочих особенностей греческой пайдейи, невозможно упустить из виду её одну очень важную характеристику. Можно сказать, что неизгладимый след в формировании греческой цивилизации сыграл её полуполюгендарный период, так называемых «тёмных веков». Казалось бы, как время, о котором нет точных сведений, может как-либо повлиять на последующие времена? Но такое недоумение невольно возникает при сциентистском взгляде.

Но образная мощь поэтического наследия этого периода стали базисом в формировании греческого «духа». Так родилась фактически литературоцентричность греческой культуры. Архетипы и нисходящие из них гуманистические представления, понятия, оказали влияние и на педагогическую систему. Удивительно, но народное коллективное бессознательное в виде мифа, гомеровского мифа, успешно было адаптировано в следующие периоды греческой античности. Знаменательным здесь становится переход от мышления мифического к логическому. Переход от мифа к логосу в педагогической системе демонстрирует их неразрывное единство. Мусическая часть образования греков показательным образом концентрировалась на изучении гомеровских текстов, ставших дидактическим инструментом в руках педагога, желавшего воспитать не только образованного человека, но и патриота своей Родины. Особенно хочется здесь привести вторящую платоновскому умозаключению мысль Вернера Йегера: «Гомер — воспитатель Греции... Представление о поэте-воспитателе своего народа — в самом широком и глубоком смысле слова — было расхожим среди греков и всегда сохраняло для них свою важность» [3, с. 65]. А гомеровскую поэзию Йегер оценивает так: «Пафос величия героической судьбы, судьбы борющегося человека — глубинное дыхание «Илиады»; а человеческий этос благородной культуры и нравов придает жизненность «Одиссее» как поэтическому произведению. Общество, породившее эту жизненную форму, было обречено исчезнуть, о нем нет исторических сведений, но его идеальный образ в поэтическом воплощении Гомера продолжал существовать как живая основа всего

эллинского воспитания» [3, с. 70].

Таким образом, выясняется и подтверждается мысль о литературе как важнейшем компоненте пайдеи. «От эпохи к эпохе греческая поэзия во все большей степени проникается осознанным воспитательным духом» [3, с. 70]. И не только поэзия, но в целом литература, её творцы оказывали значительное влияние на содержание образовательной модели. Бок о бок с писателями и поэтами уже в эпоху греческого логоса стояли и философы, во многом тоже «отцы» греческого народа, как и Гомер, обогащавших своим интеллектуальным наследием, ставшим таким же объектом пристальных схолий и рефлексии.

Формирование греческой пайдеи пришлось на гомеровский и, в большей части, на классический период истории культуры Греции. Но её развитие и осмысление пришлось уже на бурную и пёструю эпоху эллинизма. Ещё в аттические времена «высшая» часть образования, ставшая основой социально-интеллектуальной, учёной среды, оформилась из досужных кружков в прообразы неких «аксиологических» орденов, «университетов». Первым таким заведением стала Академия, основанная Платоном в священной роще легендарного героя Академа. К нему присоединился Аристотель, создавший свой Лицей, появляются Стоя и Сад Эпикура.

Македонские завоевания способствовали стремительному проникновению греческой культуры на Востоке, на котором происходил синтез ориентальных и эллинистических начал как в социально-политической сфере, так и в творческой, духовной. При этом греческий компонент всё же и в форме, и в содержании культуры был более заметен, являлся скрепляющим, наполняющим. Это касалось и интеллектуальной, образовательной сферы. Последователи греческой философии её планомерно, увлечённо развивали, благодаря чему в эллинистический период уже имелись развитые направления, такие как софистика, стоицизм, скептицизм, и, особенно, эпикуризм и неоплатонизм. Эллинистический космополитизм размывает традиции, социальный уклад старой полисной системы, что сказывается и на образовании. Вместо полисов появляются большие эллинистические государства, а позже и вовсе огромная греко-римская Империя, которые в силу своей природы обращают внимание и на систему просвещения, в той или иной степени регулируя её. Французский историк античности Анри Марру отмечает: «Иногда мы увидим, что эллинистический владыка вникает в школьную политику или администрацию, но всегда как частное лицо, как «благодетель», мы бы сказали — как меценат. Нужно дождаться Римской Империи, чтобы увидеть вмешательство верховного главы в эту область в качестве законодателя, но и это будет осуществляться для того, чтобы призвать города к исполнению своих обязанностей, а вовсе не для подмены их» [5, с. 149]. Но не будет лишним отметить, что подобный прецедент регулирующего характера, был замечен ещё в Афинах, в виде известного закона Софокла, который долго не продержался. Многие граждане тогда неоднозначно относились к деятельности философов и желали поставить под контроль их учения. Немецкий антиковед Христиан Хабиخت отмечал: «По этому закону философские школы попадали под контроль со стороны государства, так как согласие на их деятельность должно было выдаваться Советом и Народным собранием» [6, с. 77]. Таким образом, в результате стихийных импульсов греко-македонской экспансии, энтузиазма интеллектуалов с одной стороны, и окрепшего государства с другой, упрочиваются, гармонизируются не только подготовительные этапы воспитания и образования, но и расцветает высшая школа. Восточное Средиземноморье стало миром плодоносящей пайдеи. Помимо аттических академий появились и Александрийский Мусеон, академии Пергамы, Антиохии, Эдессы, Бейрута и других. Эти центры играли ведущую роль в научно-образовательном процессе, угасая лишь уже в эпоху Средневековья. Собственно в них зародился уже ретроспективный, рефлексивный взгляд на богатое историко-культурное наследие прежних веков античности. Это касалось

как философии, так и столь новой дисциплины, как филология, называемая с высоты нашего времени, античной – сказывалось оставшееся неизменным трепетное отношение к греческой литературе, так и теоритическая и дидактическая озабоченность в вопросах языка, грамотности. Не зря одна из античных мудростей гласила: «Изучение грамоты — главное начало премудрости» [5, с. 138]. Теперь именно высшая школа является олицетворением всей античной образованности.

«Скелет» пайдейической системы, подготавливающий к академиям остаётся прежним, но меняются некоторые детали. По-прежнему сохраняется поэтапность. Примечательной характеристикой становится всё большее теоретизирование, схоластичность образования и вытеснение физической активности.

Этапы сохраняются те же:

- 1) Первый этап до 7 лет - воспитание в семье.
- 2) Второй этап - начальное образование. Сохраняется сочетание мусических и гимнастических школ. При этом мусическое образование начинает теснить гимнастическое.
- 3) Третий этап – появление грамматической школы. В ней уделялось больше времени усвоению навыков письма, речи, чтения и музыки.
- 4) Четвёртый этап – гимнасий. Здесь продолжается та же линия, заложенная в грамматической школе.
- 5) Пятый этап – эфебия. Наиболее примечательны изменения именно в эфебии. Будучи афинским «адаптированным» вариантом спартанской воинской подготовки, эфебия ставила своей задачей социализацию юного гражданина в воинскую общину и первичную воинскую подготовку, где идеал - полисный гражданин-воин. Теперь же в условия огромного эллинистического мира, где массово расселяются греки, чувствуется этнокультурная дифференциация – есть нравы «туземцев» и есть эллинские порядки. Одним из атрибутов этих порядков становится эфебия, то есть не просто воинская муштра, а соприкосновение с истиной эллинско-аттической ойкумены: «греки требуют от эфебии прежде всего не столько подготовки своих сыновей к определенной профессии, например, военной, сколько посвящения в греческую жизнь, и прежде всего чтобы они вошли во вкус атлетических упражнений, представляющих собой ее наиболее яркую черту» [5, с. 156]. В таких условиях начинает снова проявляться греческое «арете». Осознание себя в чужой среде стимулирует проявление гордости за свою эллинскую Родину и происхождение. Замыкание эфебии на правящем слое греков формирует аристократическое отношение к данному этапу образования – формируется его чисто эстетическое и праздное восприятие, то есть доступное только свободному и благородному человеку. Так военная подготовка трансформируется в агональные физические занятия, иначе, спорт. И главное, физический компонент эфебии таким образом уступает место «мусическому» компоненту: «Утратила свой военный характер эфебия. Она превратилась в своеобразное высшее учебное заведение. Здесь велись разнообразные теоретические занятия по гораздо более углубленной программе, чем в гимнасии» [4, с. 25]. Мы здесь видим не просто углублённую программу предыдущих этапов, но, по сути, подготовку к финальной стадии пайдейи, где начинают изучать философию и связанные с ней науки.
- 6) Шестой этап - философские школы. Уже ранее упомянутая, представленная сначала кружками, затем академиями, мусейонами. Являлась вершиной образования, где в полной мере приобщались к различным философским направлениям. Конечно, при желании и упорстве можно было попасть в философскую школу, но за ней закрепился сугубо элитарный статус.

Что касается женского образования в эллинистический период, то здесь можно отметить процесс, который можно было бы охарактеризовать как «либерализация». По сравнению с более ранними аттическими представлениями и требованиями наивно-патриархальной

направленности, где женщина оставалась укромным, непубличным существом, ведущим хозяйственную деятельность и воспитание малых детей, в эллинистический период происходит сдвиг. Девочки и девушки впускаются в публичное пространство и могут получать как мусическое, так и гимнастическое образование, вплоть до уровня гимназия. Таковая структура греческой воспитательно-образовательной системы в её эллинистическом варианте. Она, в политическом смысле, не заканчивается с падением эллинистических государств и началом господства республиканского и имперского Рима. Можно сказать, уверено – политическое господство Рима, обернулась его «колонизацией» греческим культурным ареалом, как видно, для него самого, всего лишь очередным. В широком смысле, греческая культура стала невольным ориентиром для римлян, что видно по заимствованиям в мифологии, архитектуре, литературе и прочем. Естественно, такая мощная идейно-технологическая система как пайдейя не стала исключением. Она была полностью воспринята и взята за образец римской образовательной моделью. А.-И. Марру очень категорично и уверено, не без весомого на то основания замечает, что: «Следует с самого начала оговориться, что не существовало самостоятельного собственно римского образования, да и вообще культуры. Италия, а потом через ее посредство и весь латинизированный Запад были включены в ареал эллинистической культуры... Конечно, Рим имел свою специфику, но она стала одним из аспектов этой культуры, а не самостоятельным феноменом: римское образование... есть лишь приспособление эллинистического образования к латиноязычной среде» [5, с. 138].

Таким образом, складывается неразрывное единство греко-римской культуры, синтез двух начал. Хотя разделение чисто лингвогеографическое сохранялось, в Риме сложился консенсус и пиетет перед обеими половинами Империи. Как отмечает отечественный антиковед Фаддей Зелинский, «...языком преподавания становится греческий на Востоке и латинский на Западе – «наши языки», как говорит Марк Аврелий, - в зависимости от общественного спроса и без всякого давления свыше» [7, с. 365]. Хоть римское образование и было, по сути, идейно-технологически полностью подчинено греческому стандарту, всё-таки было бы несправедливым отрицать заслуги римлян. Это касается хотя бы простого воспроизводства, распространения образования, что стало возможно благодаря ещё большему укреплению и расширению государства. Управленческая система стремилась создать также и центры просвещения. Так, помимо перенасыщенного культурно-образовательными центрами эллинского Востока, появились свои очаги и на латинском Западе. «Апогеем этого развития был бурный III век, на территории тогдашней Римской империи образование стояло на такой высокой ступени развития, какой оно лишь в XIX веке достигло вновь» [7, с. 365].

Но в целом, ориентированность римской культуры на греческую пайдейю сохраняется. Чувствуется некоторая «оглядка» на достижения греков, необходимость «заявить о себе», показать свое равноправие на поприще интеллектуальной детальности. Как отмечает Зелинский, «Вообще же науки, свившие себе гнездо в эллинизованном римском обществе, - преимущественно науки *гуманитарные*» [7, с. 333]. И что особенно примечательно, «Из них *история* была призвана к жизни желанием заявить о себе в греческом пантеоне всемирной истории, почему древнейшие истории Рима... написаны по-гречески» [7, с. 333]. Невозможно не вспомнить в таком контексте и римского поэта Вергилия. Его творчество особенно показательно в свете римской общественно-государственной ориентации на Грецию. Исходя, как и из личной творческой позиции, так и выполняя социальный заказ, Вергилий создаёт своё самое известное произведение «Энеида» - римскую рецепцию гомеровского эпоса. Как мы помним, социально-этическая модель греков вдохновлялась героями Гомера. Этого же захотел достичь и Вергилий, закладывая через литературные образцы воспитательную функцию, призванную не только давать нравственные ориентиры римской молодёжи, которая должны была стать добропорядочными гражданами-

патриотами, но и прославлять великую римскую Родину, гордо заявившую своё право на мировое владычество. Была и традиция элитарного образования, для которого римляне «выписывали» себе с Востока греческих мудрецов: «...так вообще в Риме вельможи стали приглашать к себе греческих философов-моралистов как руководителей совести и воспитания молодёжи» [7, с. 335]. Женское же образование римского образца, по сравнению с элементами «эмансипации» в эллинистическом, откатывается обратно к большей патриархальности, ценится образ непубличной скромной жены, воспитательницы детей и хранительницы хозяйственного порядка.

Такова картина эллинско-римской образовательной системы в свой период благополучия. Однако историко-культурный фон с течением времени начал заметно изменяться. Эпоха эллинизма размыла привычные для тогдашнего человека социально-этические основы полисного государства, а затем медленно вызрел духовный кризис Римской Империи. В философских направлениях, представленных высшими школами, появилась потребность в обращении к внутреннему духовному состоянию, на фоне глобального, огромного мира, представленных мощными государствами. Антропологическая проблематика особенно заметна была в таком важном течении философии как неоплатонизм. Его главным представителем был Плотин, который вместе со своими последователями развивал концепции Платона, Нематериального, где большое внимание уделялось понятию души и представлений о ней, её успокоения – так называемой атараксии, и стихийных протомонотеистических идей.

В таких условиях набирает силу новое религиозное течение – христианство. Как отмечает русский историк Михаил Корелин: «Верующий язычник, несмотря на все свое усердие, не получал того душевного спокойствия, которым поражал его христианский мученик. Оба они предъявляли одинаковые требования к религии, но язычество не давало ни абсолютного руководства для нравственного поведения при жизни, ни успокоительного учения о загробном существовании. То и другое заключалось в Евангелии, и христианство одерживало самые решительные победы в те моменты, когда его представители спокойно, с радостью отдавали себя палачу или дикому зверю» [8, с. 30]. И действительно, в условиях старой римской государственности, её трансформации, христианство отыгрывает себе лидирующие позиции. Это знаменует собой кризис античного мирозерцания, всей системы мышления, выработанной Древней Грецией и дополненной Римом.

Однако нельзя сказать о полном доминировании христианской религии, это было бы слишком поверхностно. На деле же, всё обстояло несколько иначе. Ещё до кризиса III-IV веков н.э., когда христианство становилось наиболее популярным течением, распространение этой новой веры происходило в особых условиях. Христианство зародилось на Востоке, который к тому времени уже давно был эллинизирован, а местные народы и культуры испытывали на себе значительное влияние греческой цивилизации. Греческий «цемент» скреплял огромное пространство различными социокультурными стандартами, и, прежде всего языком – греческим. Первые христиане вышли из иудейской среды, которая была в значительной степени так же эллинизирована, особенно это касается элитных, образованных групп. Подобная языковая «смычка» дала огромные возможности для миссионерской деятельности в апостольские и послеапостольские времена.

Проводить свои проповеди и диспуты, особенно среди образованных кругов было невозможно без усвоения греческой пайдейической системы, её ступеней. Если проповеди среди масс не требовали слишком серьёзной подготовки, то с элитарным греко-римским слоем всё обстояло иначе. Неудивительно, что образованные христиане видели важной задачей агитацию среди правящего культурно-политического слоя – благодаря завоеванию их умов можно было усилить и ускорить процесс христианизации. Будучи сами продуктом эллинизма, проповедники действовали в естественной для них среде и осознанно при этом использовали достижения языческой культуры, имевшей понятные расхождения с

христианством. Как отмечает Вернер Йегер, «вместе с греческим языком в христианскую мысль привносится целый мир понятий, категорий мышления, унаследованных метафор и неуловимых коннотаций» [9, с. 28].

Таким образом, закладывается сложный идейный дуалистический комплекс. Апостолы, христианские апологеты и отцы будущей христианской Церкви обращают особое внимание на греческое риторическое искусство, литературу, философию как желательные для образования новой христианской личности. Происходит необходимая адаптация научно-педагогической сферы, а её достижения рассматриваются с пропедевтической и дидактической точки зрения. Например, Василий Великий не отрицает важности языческой культуры в одном из своих сочинений. «Этот текст стал хартией высшего образования христиан на много столетий. Его автор отвергает нравственное и религиозное содержание античной поэзии, однако отдает должное ее форме. Это разделение, хорошо иллюстрирующее обычаи христианских писателей во времена Василия, сохранило свою актуальность для позднейшего христианского гуманизма» [9, с. 121]. Христиане осознают себя создателями новой принципиально новой ступени образования: «Апостол Филипп говорит: «Я пришел в Афины, чтобы открыть для вас пайдейю Христа» [9, с. 36]. Это можно назвать смелым и революционным заявлением и при этом укладывающимся в старую логику разных этапов познания. В. Йегер характеризует это следующим образом: «Называя христианство «пайдейей Христа», подражатель подчеркивает намерение апостола представить христианство как продолжение классической греческой пайдейи, которое было бы логично принять тем, кто уже владел более древней пайдейей. В то же время, ставя Христа в центр новой культуры, он подразумевает, что классическая пайдейя постепенно вытесняется. Античная пайдейя становится орудием христианской» [9, с. 36]. Так, Христос становится новым Учителем, педагогом и источником Знания. Вся классическая пайдейя теперь становится лишь подготовительным этапом воспитально-образовательного процесса, даже философия как бывшая высшая школа мыслиться в этом же ключе. Лишь пройдя все эти ступени, человек может приблизиться к абсолютному Логосу, изучаемому в Библии, который не требует каких-либо доказательств истинности, чем раньше и занималась философия. При этом связь с античным наследием будет проявляться всегда, особенно, если иметь в виду сферу «рафинированных» дискуссий и всевозможных иных «переложений». Русский культуролог Сергей Аверинцев по этому поводу замечал: «Каждый шаг навстречу более тонкой интеллектуальной культуре означал для христианства приближение к онтологии эллинского типа, к платоновскому или аристотелевскому идеализму» [10, с. 273]. Можно вспомнить и термин греческой социально-политической культуры «эκκλῆσῖα» - то есть народное собрание, управляющее городом. Данное социальное измерение также было переосмыслено – теперь это не коллектив всесторонне развитых личностей обладающих арете, но обновлённых новым знанием о себе и мире – то, что стало называться Церковью – земным собранием людей.

Тем не менее, при всей адаптивности, христианская пайдейя вносит свои теперь уже полноправные исправления и цензуру, что дополняется и объективными обстоятельствами рубежа IV-VI веков н.э. Обозначенный ранее кризис мирозерцания, социально-экономические, политические изменения, наступление христианства в Римской Империи подготовили смену эпох – Античность клонила к упадку, а на её место приходила, казалось, полная ей противоположность – Средневековье. Упадок Империи и всё большее заселение её иноземцами в итоге приводит к нравственному огрублению, расшатыванию прежних требований к человеку. Происходит то, чего так гнушался пайдейический человек – варваризация жизни, утрата арете.

Исторический фон в это время показывает распад Римской Империи на Западную и Восточную, точно по границам как раз тех самых географических и лингво-культурных ареалов. Государственность на латинском Западе исчезает и остаётся незащищённой под

натиском варваризации культурная среда. Начинает вытесняться в узкую интеллектуально-монашескую сферу вся научно-образовательная деятельность. С уже известной нам избирательной благосклонностью христианские деятели, чувствующие опасность эпохи, занимаются перепиской античного наследия. Особо остро стоял вопрос перевода греческой литературы, так как уже было стихийное понимание скорого разрыва с пайдейческим Востоком и языкового провала, который в условиях краха образования неизбежно достиг бы мрачных глубин. Здесь необходимо отметить персоналии, исполнившие важную миссию сохранения остатков греко-римского наследия на Западе. Это, например, Кассиодор Сенатор, покровитель переписчиков-монахов бенедиктинцев; Марциан Капела, написавший трактат «О бракосочетании Филологии и Меркурия»; Северин Боэций, написавший трактат «Утешение философией», переводы и трактаты Блаженного Августина и Исидора Севильского. Благодаря им удалось сохранить крупницы образа уже далёкой «эн-кикрос – пайдейу» - энциклопедии – вершины пайдеи, иначе то, что стало известно позже как «тривиум» и «квадриум». Ф. Зелинский очень интересно характеризует весь описанный процесс: «...мы можем разобрать всю научную деятельность нашего периода, исходя из вопроса, что было наиболее нужным для следующего, средневекового, периода, дабы образованность в нём не совсем отсутствовала» [7, с. 431]. И продолжает: «Нужно было, наконец, ввиду предстоящего исчезновения из сознания людей также *серьезной науки*, создать необъемистые своды тех ее результатов, которые могли заинтересовать грубоватый ум средневекового читателя... Это деятельность экипажа перед крушением корабля: всякий старается спасти то, что для него самое необходимое и вместе с тем занимает наименее места» [7, с. 431-432].

На Востоке ситуация была гораздо более благоприятная. Римская государственность сохранилась, столь сокрушительных варварских нашествий не свершилось. А самое главное, Восточная Римская Империя сохранила за собой контроль за всем подлинно эллинистическим миром с ядром в виде римской Греции – источником образовательной традиции. Остались и все научные эллинистические центры. Конечно, не обошлось и здесь без уже прямых столкновений – по ряду академий прошли антиязыческие погромы, в первую очередь, в Александрии – месте сосредоточения язычества уже в эпоху раннего господства христианства. Отечественный византолог Лидия Фрейберг отмечала: «В этих городах существовало множество богословских и светских школ различного уровня, так что христианские тенденции в образовании постоянно смешивались с языческими. Часто это проистекало от пестроты и разнохарактерности преподавательского состава и профессуры» [10, с. 8-9]. Власть Императора Феодосия II представляет собой тот самый пример дуалистического синкретизма эллинистической культуры и христианства. Он – гонитель язычников и одновременно покровитель пайдеи. Именно он на рубеже античности и Средневековья создаёт в 425 году н.э. то, что уже в буквальном, прямом смысле можно назвать Университетом – первый в Средние века. Он стал известен как «Аудиториум», позже получивший в своей следующей итерации не менее известное имя Магнаврская высшая школа или просто Константинопольский университет. Его курсы включали уже известный набор: «Императорским указом был установлен круг преподаваемых в университете предметов: греческая и латинская грамматика, греческая и латинская риторика, философия, право» [10, с. 9]. При этом мы здесь уже наблюдаем важнейший признак наступившей средневековой христианской формации – в качестве дидактического материала в изучении грамматики выступают уже не гомеровские приключения, а строгая псалтырь. А предшественник-тёзка Феодосия II, Феодосий I, ещё в предшествующем веке успел упразднить столь важную калокагатическую часть пайдеи в её телесном, гимнастическом и агональном аспекте, как олимпийские игры, объявленные языческим праздником. В новой одухотворённой «пайдеи Христа» не было места поклонению греховной, тленной плоти.

Пожалуй, последний символический акт в ознаменование победы христианской пайдейи стал указ Императора Юстиниана о закрытии в 529 году н.э. начала всех начал аттической образованности – Платоновской академии. Ревностный православный Император также не желал более видеть остатки «греховного» языческого знания.

Последний из названных Императоров являлся правителем уже полностью победившей эллиническое язычество христианской Империи. Эта Империя стала совокупным результатом сочетания греко-эллинистической, римской и христианской культуры. Это государство именуется Восточной Римской Империей, однако учитывая всю сложность и противоречивость её культурных основ, в историографии она в силу этой специфики более известна как Византия.

Таким образом, античная образовательная традиция, пройдя очень длинный путь, начавшийся во времена греческих полисов, и пережив серьёзные испытания в начале новой эры, продолжила свою эволюцию в Византийской Империи и на латинском средневековом Западе, что ознаменовало собой уже совсем другой (неклассический) этап истории пайдейи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурология в вопросах и ответах: Учебное пособие. Ростов н/ Д. 2006. 416 с.
2. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М. 1965. 583 с.
3. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М. 2001. 594 с.
4. Джурицкий А.Н. История педагогики: Учеб. пособие для студ. педвузов. М., 2000. 432 с.
5. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М. 1998. 425 с.
6. Х. Хабихт. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М. 1999. 416 с.
7. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. М. 2019. 464 с.
8. Корелин М. С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб. 2005. 92 с.
9. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М. 2014. 216 с.
10. Античность и Византия: Сборник статей / ред. Л.А. Фрейберг. М. 1975. 416 с.

REFERENCES

1. Kul`tuurologiya v voprosax i otvetax: Uchebnoe posobie. Rostov-on-Don. 2006. 416 p. (In Russian)
2. Losev A. F., Shestakov V. P. Istoriya e`steticheskix kategorij. M. 1965. 583 p. (In Russian)
3. Jeger V. Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka. V. 1. M. 2001. 594 p. (In Russian)
4. Dzhurinskij A.N. Istoriya pedagogiki. M. 2000. 432 p. (In Russian)
5. Marru A.-I. Istoriya vospitaniya v antichnosti (Greciya). M. 1998. 425 p. (In Russian)
6. Khabiht X. Afiny. ` Istoriya goroda v e`llinisticheskuyu e`pohu. M. 1999. 416 p. (In Russian)
7. Zelinskij F.F. Istoriya antichnoj kul`tury`. M. 2019. 464 p. (In Russian)
8. Korelin M. S. Padenie antichnogo mirosozerczaniya. Kul`turny`j krizis v Rimskoj imperii. SPb. 2005. 192 p. (In Russian)
9. Jeger V. Rannee hristianstvo i grecheskaya pajdejya. M. 2014. 216 p. (In Russian)
10. Antichnost` i Vizantiya: Sbornik statej / ed. L.A. Frejberg. M. 1975. 416 p. (In Russian)